

“Если вы считаете всех жуликами, то одни жулики к вам и придут.”
Александр Блок
«Интеллигенция и революция» (статья)

Ведущий полосы – Сергей Ачильдиев, aschief@yandex.ru

Мнения авторов этой полосы могут не совпадать с мнением редакции.

время и мы

Семидесятнугые



Сергей Ачильдиев,
редактор отдела специальных проектов «НВ»

Депрессивные семидесятые, растянувшиеся благодаря брежневскому режиму почти на двадцать лет, выбросили из активной жизни целое поколение.

Из всех поколений, живших в России в XX веке, русский язык удостоил отдельным наименованием только шести десятилетий. И вовсе не по аналогии с предыдущим столетием. Именно это поколение переворнуло сначала сознание соотечественников, а затем и саму страну, изменив в ней государственный строй. Почти в любой сфере деятельности, будь то политика, наука, художественное творчество, спорт, без труда можно вспомнить целые плеяды знаменитостей того поколения, чьи имена и сегодня известны всякому культурному человеку.

Но своей успешностью шестидесятники были обязаны не одному лишь собственному таланту. Их юность счастливо совпала с «оттепелью». Хрущеву требовалась молодежь, чтобы противопоставить ее ретроградам-сталинистам. Конечно, Никита Сергеевич и сам был из той поросли серых френчей, а потому молодежь пугала его до коммунистического бешенства, но и отказаться от нее он никак не мог. Так вчерашние дети «врагов народа», «безродных космополитов», стертой в лагерную пыль «ленинской гвардии» вдруг очутились на гребне мощной волны, помчавшей их по жизни. Как сказал Евгений Евтушенко, один из шестидесятников, «я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее».

Конечно, не всем тот виндсерфинг дался легко. Кто-то прошел через тяжкие испытания – смутными фильмами, неопубликованными статьями и книгами, бульдозерными выставками, принудительной эмиграцией и даже арестами и психушками. Но и пострадавшие за редким исключением не пропадали втуне. Они быстро становились известными в диссидентских и еще более широких полудиссидентских кругах. Их имена были овеяны слабой жертвенности и отваги...

А мое поколение было следующим. Мы входили во взрослую жизнь в конце 1960-х и в 1970-е годы, как раз тогда, когда страну основательно подморозили, когда величайшей мудростью государственного бытия была провозглашена стабильность и что-то менять в жизни разрешалось только так, чтобы ничего не менялось. Это был расцвет застоя, по большому счету выгодный всем, кто был старше нас. Впервые после сталинских массовых репрессий и веерных перетасовок руководящих кадров, после хрущевских волонтеристских метаний наступила устойчивость. Люди вдруг ощутили уверенность в завтрашнем дне, получили возможность планировать свою жизнь не на

день-два, а на многие годы вперед. И все начали бояться перемен. Сильные мира того – потому что это было чревато потерей удобной и выгодной должности, а рядовые граждане – потому что в тех условиях любые перемены, как учил опыт, принесли только ухудшение жизненных условий.

Карьера бывает или вертикальная – от одной должности к другой, – или горизонтальная, предполагающая исключительный профессиональный рост. И обе слишком для многих из нашего поколения были закрыты. Власть боялась нас, как всякая застойная власть боится молодых – ниспровергателей и бунтарей. А наши отцы, которым положение в государстве и обществе досталось такой причудливой игрой исторического мгновения, боялись за себя, ведь дети так часто переигрывают родителей.

Конечно, не только поэтому, но и потому тоже наши служебные карьеры слишком часто обрывались на низших ступенях лестницы, а наше искусство процветало в андеграундных кочегарках, и мы до седых волос ходили в «молодых», «начинающих» и «подающих надежды». Неудивительно, что в моем поколении быстро появились саморазрушительные качества – позднее взросление, инфантильность, тотальная ирония... Нет, мы не были потерянным поколением. Теряют то, чем дорожат, а мы ощущали себя никому не нужными.

Мы выросли на излете величии «врагов народа», «безродных космополитов», «стертой в лагерную пыль «ленинской гвардии» вдруг очутились на гребне мощной волны, помчавшей их по жизни. Как сказал Евгений Евтушенко, один из шестидесятников, «я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее».

«Перемен требуют наши сердца, / Перемен требуют наши глаза, / В нашем смехе и в наших слезах / И в пульсации вен – / Перемен! / Мы ждем перемен», – пел как заклинание, как молитву Виктор Цой, один из нашего поколения. А перемен не было. Они наступили только во второй половине 1980-х. Но лишь следующее десятилетие по-настоящему распахнуло перед нами двери. Увы, для многих слишком поздно, и далеко не все из нас оказались к этому готовы. Чересчур часто нам не хватало твердости характера, чувства ответственности, смелости в принятии решений, опыта... Зато после былого унылого существования и беспросветной бедности слишком не терпелось взять недополученное в прошлые годы – мы жаждали денег, статусного положения, славы наконец...

А сзади нас уже вовсю подпирало следующее поколение – молодых, напористых, не очень-то отягощенных моральными и нравственными принципами и не испытывающих к нам, родителям-семидесятникам, особого шпетета. Может, и поэтому девяностые получились такими лихими... Перемены произошли, и очень серьезные. Но все ли из нас сумели переменить?

общество

Капитан «СВЯТЫХ УТОДНИКОВ»



Денис Терентьев,
спецкор «НВ»

Почему моралисты всегда не правы? Потому что нарушают первое правило морали: не осуждай чужие грехи, если не исправил собственные.

По всему Соединенному Королевству третий месяц гремит сексуальный скандал: капитан английской сборной по футболу Джон Терри запалился на супружеской измене. Последствием стали тысячи гневных писем по адресу футболиста, осмивающие во время игры и, самое главное, лишние капитанской повязки в сборной.

Хотя, казалось бы, какая тут связь? В футбол Терри по-прежнему играет прекрасно, а с кем он спит, болельщиков совершенно не касается. Ничего подобного: тренер англичан Фабио Капелло решил, что теперь Джон не может быть примером для соотечественников, которые его резко осуждают.

И тут подмывает спросить: а судьи кто? Все эти тысячи возмущенных британцев никогда не изменяли женам? Тогда откуда у английских социологов данные, что налево ходят 82 процента супругов, а 11 процентов мужчин не являются биологическими родителями

детей, которых они считают своими? Все эти ревнители нравственности изучают на ночь Евангелие от Матфея? Они не лгут, почитают своих отцов и мать и не упоминают имени Господа все? Тогда почему те же дотошные социологи пишут, будто 42 процента британцев старше 30 лет видят своих родителей один или менее раз в год?

В этой истории есть и неканонические моменты. Во-первых, в 2009 году Терри признавался в Великобритании «Отцом года» (у футболиста дочеридвойняшки). Вероятно, это почетное звание он получил не просто так. А кем признавались возмущенные его изменой обыватели? Во-вторых, Терри сблудил не с горничной, перебрывшей пива в пабе, а с французской моделью Ванессой Перронсель. И сложно представить себе мужчину, который с легкостью отказался бы от такого приключения. В-третьих, скандалу уже три месяца, а законная супруга Джона Терри, единственный человек, имеющий право его осуждать, ни слова не сказала, будто собирается от него уйти. Они в браке восемь лет. Какой нормальный семьянин за это время хотя бы мысленно не возжелал жены ближнего своего? Может, просто не у всех получается соблазнять французских моделей?

В Петербурге несколько тысяч фанатов «Зенита» из матча в матче трогали игрока любимой команды – Владимира Быстрова. Ему исполняли назидательную песню «Никогда не лги, не предавай». Эти брутальные мачо сами никогда в жизни не лгали? Никогда не изменяли женам? Никогда не поддавались эмоциям? Самый страшный грех Быстрова – во время выступления за «Спартак» 23-летний пацан, забив важнейший гол на заревающих от восторга «Лужниках», поцеловал клубную эмблему. И пусть он после этого вернулся в «Зенит», извинился за свое поведение и в одиночку вытаскивал клуб в Лигу чемпионов – в глазах многих нет ему прощения. Уже и лидеры зенитовских «ультрас» встретились с игроком и выяснили отношения, но стоит заглянуть на интернет-форумы – там сотни маргинальных «ортодоксов».

Футбол в этих историях – просто сцена. У людей есть глубинная потребность осуждать себе подобных, загораться от собственного гнева и трансформировать мысли в поступки. Примеров этому – великое множество. Исаак Бабель пишет в «Конармии», что доблестные бойцы Буденного могли расстрелять человека просто за наличие очков – непременно, как им казалось, атрибута класса эксплуататоров. При этом есть масса исторических свидетельств, что конармейцы с первобытной жестокостью грабили, насиловали и убивали, став для миллионов людей не просто эксплуататорами, а порождением ада.

Едва ли не в каждом человеке живет стремление к чистоте, понимаемой как уничтожение греховодников вокруг себя. Крестный путь Христа про-

легал среди людей, считавших его обманщиком и бунтовщиком. Зверства инквизиции имели под собой безупречную идеологическую подоплеку. Жестокость царской жандармерии не идет ни в какое сравнение с террором дорвавшихся до власти праведников-революционеров.

Да о чем говорить, если умные пожилые люди допускают фантастические по глупости обобщения. Например, что молодое поколение не читает книги и травится наркотиками. Что современных женщин интересуют только деньги. Что все кавказцы – торгаша, а у африканцев нет своей культуры. Что футбольного арбитра, давшего липовый пенальти, обязательно купили. Классик писал, что невежество – это и есть готовность смотреть на вещи только с одной, удобной мне стороны. И тогда получается, что все вокруг изменники, воры и подлые, а я в белом взираю на это с постаментов.

Вся штука в том, что моралисты не соблюдают категорический императив Канта, который давно нарекли золотым правилом морали. Он очень прост. Если вы не хотите, чтобы о вашей интрижке со студенткой Катей рассказывали по телевизору с утра до вечера, не надо кидать камни в Джона Терри. Если вы допускаете, что завтра пойдете работать в конкурирующую фирму, не нужно горланить на трибунах: «Никогда не лги, не предавай!» Это же не игра. Это ваше лицо.

ПОДСЛУШКА

– Книга Бытия определяет сознание.

не в тему

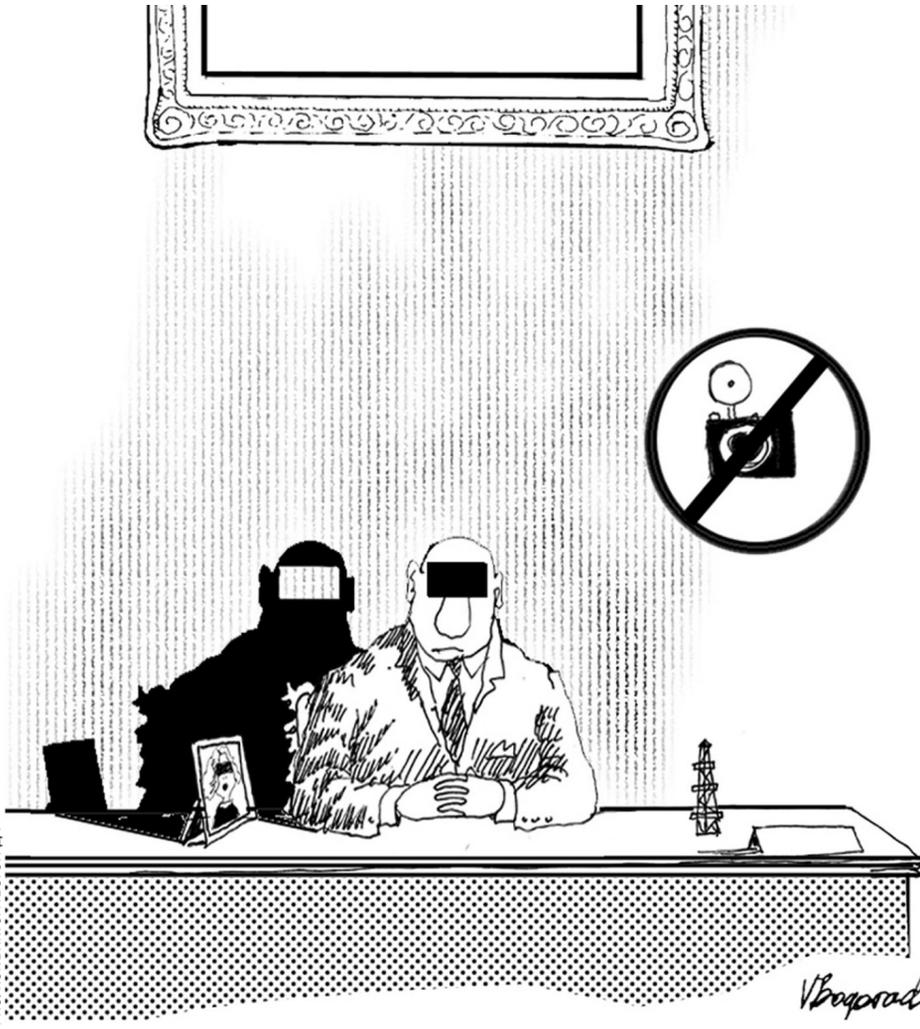


РИСУНОК ВИКТОРА БОГОРАДА

обратная связь

Мечтать не вред, но...

Прочитал заметки И. Тимченко «Когда же расцветут наши бабушки-дедушки?» («НВ», 15.05) и удивился.

Идея автора о том, чтобы наши пенсионеры получали в два-три раза больше, чем сегодня, прекрасна. Но они напоминают Ноздрева из гоголевских «Мертвых душ». Конечно, хорошо бы построить мост до самой Москвы, чтобы там купцы в лавках пирогами торговали, но как это сделать? Хочу вам напомнить, что население России не только убывает, но и стареет, а значит, работающим молодым все труднее прокормить неработающих стариков. Кроме того, производительность труда у нас в стране крайне низкая, излишков остаются крохи.

Посмотрите, что делается в Европе. Ведущие страны Евросоюза тоже стареют на глазах, но производительность труда там неизмеримо выше, чем у нас. А все равно старики получают пенсию не только из национального пенсионного фонда, но еще из частного, то есть из тех денег, которые откладывали из зарплаты сами. Да к тому же пенсионный возраст там обычно начинается для женщин в 60 лет, а для мужчин в 65, и тем не менее сейчас европейцы настойчиво говорят, что и этот порог надо повышать. Вот так.

А. Назин

образование



Сергей Назаров,
публицист

Критика отечественной системы образования давно уже стала общим местом. Ну а если выкопать корень проблемы – что он из себя представляет?

Недавно моя родная школа пригласила меня, чтобы я объяснил нынешним старшеклассникам, что кроме менеджеров по продажам и госслужащих существуют и другие профессии. Например, наука. Просто я оказался единственным из выпускников физиком-теоретиком, который находится в зоне досягаемости.

Я вошел в класс, где несколько лет просидел у окна, и почти ничего здесь не узнал. Столы и стулья – но-

вые, современные, а у электронно-проекторной системы даже имеется аккумулятор. Зачем же тогда оставлены мел, доска и тряпка?

– Чтобы урок не срывался, когда пропадает электричество, – объяснила моя бывшая учительница.

– Ну а видео, интернет, электронное перо и проектор, наверное, здорово помогают? – В ответ только тяжелый вздох...

Мой рассказ о том, как мы шли в науку, вызвал у ребят искреннее сочувствие. Это надо же – таскались по библиотекам, лицезрели единственный компьютер на уроках информатики и писали ручкой на бумаге, вот несчастные! Мне даже стало себя жалко.

И в моем родном Ленинградском (теперь Санкт-Петербургском) госуниверситете, куда я зашел впервые после того, как окончили его пятнадцать

лет назад, – все оказалось куда лучше, чем я предполагал, наставившись газет и насмотревшись телевизора. На нашем факультете нет и намека на разгром и запустение – я увидел тоннельные микроскопы и пико-лазеры.

Тем не менее уровень знаний – и уж это-то я знаю без всяких СМИ – заметно в последние годы снизился. Конечно, можно поворачивать насчет того, что виновной всему прогресс, поскольку он отучает искать и ценить знания. Но, думаю, основная причина все же в другом. Не так давно президент Дмитрий Медведев, побывав в одной из московских школ, заметил, что при нынешнем темпе изменений технику можно выкидывать на помойку чуть не ежегодно, а как со знаниями? Что ж, чудес не бывает, и знания подлежат «апгрейду». Тем более та научная информация, которую получают учащиеся российских школ.

На уроках физики, химии и биологии

на самом деле преподают не эти дисциплины, а их многовековую историю. Действительно, понимание того, что предметы падают на Землю с одинаковой скоростью (если убрать воздух), что наша планета крутится вокруг Солнца, а не наоборот, что энергия и импульс не берутся ниоткуда и нигде не исчезают, что природа химических элементов представляет собой стройную и упорядоченную систему, – все это и многое другое является принципиальными, поворотными достижениями науки. И действительно, на открытие этих истин человечество положило сотни лет и немало жизней. Но это еще вовсе не значит, что школьники на постижение того же самого должны класть пять лет обучения. Время ушло далеко вперед, скоро и теории относительности Эйнштейна, и квантовая механика пойдут вторя сотня лет. Иными словами, уже почти столетие минуло с тех пор, как нау-

ка наконец установила, каким образом устроена окружающая нас природа – от скопления галактик до ядер атомов, из которых состоит все на свете, включая нас самих. А современное школьное образование между тем выглядит совсем несвоевременно. Оно напоминает экскурсию по музею станкостроения, хотя должно быть изучением работы самого современного станка с ЧПУ.

Раньше логику идеологов школьных программ можно было списать на недостающую базу, но теперь? Ученику долго и нудно разжевывают законы Ньютона, показывают «шарик на ниточке», а подросток пользуется DVD, GSM и другими достижениями, основанными на законах, которые в школьной природе пробагают наспех, за пару-тройку последних месяцев перед выпуском.

Мой сын – типичный мальчишка, живущий «у компа». Далеко не от-

личник, кстати. Пару лет назад он, тогда еще восьмилетний, огорошил меня вопросом:

– А бывает симметричный диметилгидразин?

– Откуда ты это взял?!

– Да там в игре одной спрашивают... – Ну, если тебя спрашивают, сам и узнавай, – философски ответил я.

И он терпеливо просмотрел в интернете гору научной литературы и нашел интересный, доступный и популярный ресурс. Вместе мы быстро усвоили и ковалентные связи, и процесс крекинга нефти. В свое время химия, в отличие от физики, была для меня настоящей пыткой, и школьная выпускной экзамен я сдал лишь благодаря подсказкам (!) учительницы. Когда пришел благодарить, она, помню, сказала:

– Не за что, это моя вина. Раз ты химии не учил, значит, не смогла тебя увлечь.

Науки юношей пытаются. А зачем?..